

Цзюнь Яньсин молча сидел, не шевелясь, словно застывшее изваяние. Даже когда случайные прохожие, привлеченные его красивой, но пронизанной глубокой меланхолией внешностью, осмеливались подойти и заговорить, он попросту игнорировал их. Ледяным равнодушием он безмолвно заставлял любого собеседника отступить.

Лишь когда ночь окончательно сгустилась, уличные фонари один за другим погасли, а мир вокруг погрузился в звенящую тишину, Цзюнь Яньсин медленно поднялся и ушел. Он вернулся в съемную квартиру, тихо ступая по бледным дорожкам лунного света.

Ночник в гостиной излучал мягкое, приглушенное сияние. Цзюнь Яньсину показалось, что свет стал чуть ярче, чем в тот момент, когда он уходил из дома. Мужчина слегка нахмурился: из глубины кухни доносился едва уловимый, но отчетливый аромат домашней еды.

Он бросил короткий взгляд на вторую спальню. Дверь была плотно закрыта, свет внутри не горел, и никаких признаков активности за ней не наблюдалось. Цзюнь Яньсин, который изначально намеревался сразу лечь спать в кабинете, после секундного колебания – словно поддавшись внезапному наитию – все же направился на кухню.

Он включил тусклый свет, который скудно осветил помещение. На аккуратно прибранной плите стояла кастрюля, накрытая плотной крышкой. Едва ощутимое тепло, исходившее от металла, подсказывало, что ею пользовались совсем недавно. Внимание Цзюнь Яньсина тут же привлек приметный ярко-желтый стикер, приклеенный к крышке. Он осторожно взял листок и прочитал:

«Господину Хорошему человеку:

Если проголодаешься – можешь поесть. Если вдруг остыло, просто подогрей на медленном огне
^_^

Тантан».

Округлый, немного прыгающий почерк, напоминающий маленькие пышные булочки на пару, казался слишком детским и наивным для взрослого мужчины, но... Цзюнь Яньсин большим пальцем нежно, почти невесомо провел по нарисованному смайлику в конце записки. Всего несколько простых штрихов, а вышло на редкость выразительно.

Он аккуратно убрал записку и открыл крышку. В кастрюле оказалась свежесваренная лапша с простейшими добавками – свежей зеленью и яйцом. В тот самый миг, когда крышка была

снята, блюдо источило аппетитный, манящий аромат.

«Гур-гур...»

Цзюнь Яньсин внезапно услышал странный, предательский звук, доносившийся из пустого желудка. Он плотно поджал губы, но в итоге решил не отвергать неожиданную доброту арендодателя.

Лапша оказалась идеальной температуры, так что подогревать ее совершенно не требовалось. Цзюнь Яньсин достал из стерилизационного шкафа чистую миску и палочки, наложил себе порцию и перешел в столовую. Он вернулся слишком поздно, поэтому лапша успела немного развариться, но все еще оставалась вкусной, а количество соли было подобрано в точности так, как он любил.

Трудно было даже представить, насколько потрясающе она была на вкус сразу после приготовления. Цзюнь Яньсин был искренне удивлен кулинарными способностями Тан Чжо. Вспомнив об обеде, от которого он так категорично отказался днем, мужчина ощутил в глубине души легкое, щемящее сожаление.

Странно.

Он с самого детства рос в неопишуемой роскоши, и пусть не перепробовал все изысканные деликатесы мира, но привык есть блюда от лучших шеф-поваров. Однако сейчас ему казалось, что ни одно из тех дорогих угощений не сравнится с этой простой миской лапши.

Когда эта мысль окончательно оформилась в голове, даже самому Цзюнь Яньсину стало немного смешно. Наверное... он просто слишком редко бывал настолько голоден.

На следующее утро Тан Чжо проснулся рано, как и всегда. В доме по-прежнему царила тишина, хотя снизу уже доносились приглушенные звуки активности жильцов микрорайона. Он немного полежал в постели, задумчиво глядя в белый потолок, прежде чем медленно подняться.

Умывшись и выйдя из комнаты, Тан Чжо направился на кухню и обнаружил, что кастрюля все еще стоит на плите, а вот записки больше нет. Открыв крышку, он увидел, что лапша, которую он оставил вчера вечером, тоже бесследно пропала, а сама кастрюля была вымыта до зеркального блеска.

«Значит, он ее все-таки съел?»

Тан Чжо, который до этого момента чувствовал себя вялым и сонным, мгновенно прибодрился. Ночью он проснулся от сильного голода, сварил лапшу, но нечаянно переборщил с порцией. Поколебавшись, он решил не выливать остатки, а просто приклеил записку на крышку. Кто бы мог подумать, что Цзюнь Яньсин в этот раз не станет церемониться и примет угощение.

- ...

- ...

Тан Чжо: (□▽□) / Ей!

Тан Чжо с радостью убрал кастрюлю, искренне считая, что это уже маленький, но важный прогресс, и дальше отношения будут налаживаться только быстрее! Словно зарядившись новой энергией, он с невероятным энтузиазмом принялся за уборку.

К девяти часам, закончив все домашние дела, он задумался, чем бы заняться дальше, как вдруг в кармане зазвонил телефон. Брат Ли. Незнакомое имя высветилось на экране. Тан Чжо смотрел на контакт целых три секунды, прежде чем из всплывших обрывков воспоминаний понял, кто это такой.

После того как мать, Шэнь Цзиншу, перекрыла ему все финансовые потоки, оригинальный владелец тела, который после окончания университета привык сидеть у родителей на шее, наконец-то был вынужден искать работу. Специальность оригинала – дизайн одежды. Шэнь Цзиншу искренне надеялась, что после выпуска он придет работать в ее компанию, но из-за бунтарского характера и полного отсутствия интереса к этой сфере он четыре года просто прохлаждался в университете и с огромным трудом получил диплом.

Пролежав дома целый год, он давно растерял все профессиональные навыки. К счастью, у оригинала было другое, более искреннее хобби – фотография. Он нашел работу фотографом в свадебном агентстве.

Однако, поскольку первые несколько дней после прибытия в этот мир Тан Чжо был слишком занят адаптацией, он совершенно не подумал о том, чтобы отпроситься с работы. Он прогулял ее без всякой уважительной причины, а на те самые дни как раз выпал важный заказ. Клиенты не увидели фотографа в день свадьбы, подали официальную жалобу, и его, проработавшего меньше полумесяца, немедленно уволили.

А этот брат Ли тоже работал в той компании, пробыл там всего несколько дней и тоже уволился. Тан Чжо совершенно не ожидал, что ему позвонит «бывший коллега». Покопавшись в памяти, он ответил на звонок, стараясь подражать манере речи оригинала:

- Брат Ли, привет! Давно не виделись, что-то случилось?

- Сяо Тан, я тут от Чжан Чэня услышал, что ты тоже уволился, - перешел сразу к делу брат Ли, добавив в голос заметный энтузиазм. - Я открыл новую студию, как раз нужны толковые люди. Не хочешь попробовать?

Этот брат Ли ушел из компании даже раньше Тан Чжо, и кто бы мог подумать, что он решился работать на себя. Предложение о работе застало Тан Чжо врасплох, и он был приятно удивлен. Но вскоре его лицо сморщилось, и он замялся.

У оригинала были действительно хорошие навыки съемки, поэтому брат Ли и решил позвонить. А сам же он... он даже не держал в руках камеру этой эпохи и понятия не имел, как ею вообще пользоваться.

≥□≤

Но упустить такой шанс Тан Чжо просто не мог. Подумав, он осторожно произнес:

- Брат Ли, я ушел из компании, потому что попал в аварию.

- Аварию? Seriously? - удивился тот. - Чжан Чэнь, этот парень, мне вообще ничего не говорил...

- Нет-нет, ничего очень серьезного, - поспешно добавил Тан Чжо. - Просто сломал ногу, сейчас она в гипсе, поэтому пока не могу полноценно работать.

- О-о, вот оно что. Ну ладно, поправляйся.

- Ага, через месяц снимут гипс, я тогда сразу позвоню, хорошо?

Брат Ли рассмеялся и бодро ответил:

- Конечно! Если ты придешь, я буду только рад. Звони, как будешь готов.

Повесив трубку, Тан Чжо медленно выдохнул и невольно счастливо улыбнулся. У-у, найти работу без всяких собеседований – это просто невероятная удача! К тому же у него теперь есть целый месяц на подготовку. Хотя месяц – это не так уж много, но у него осталась память оригинала, так что обучение должно пойти как по маслу.

И первое, что нужно сделать прямо сейчас, это... потрогать камеру!

Помимо азартных игр и курения, фотография была единственным серьезным увлечением оригинала. А поскольку тот привык сорить деньгами, дома у него хранилась целая коллекция камер. Оставшись без средств, он продал только три штуки, которыми почти не пользовался, а семь или восемь экземпляров осталось. Это были его настоящие сокровища, которые он не решился продать даже в самые тяжелые времена, поэтому Тан Чжо, естественно, тоже не собирался с ними расставаться.

Так что покупать ничего не нужно! А лежат эти сокровища...

По мере того как информация из памяти всплывала в сознании, Тан Чжо с некоторым оцепенением медленно повернул голову и посмотрел на... кабинет. То есть, в комнату Цзюнь Яньсина.

- Тук-тук-тук.

Раздался четкий, размеренный стук в дверь. Стучали негромко, но с первого же звука Цзюнь Яньсин проснулся. Он открыл глаза, которые были налиты кровью от напряжения. Приподнявшись на кровати, он взглянул на часы на стене кабинета.

Десять сорок пять.

Он лег после того, как поел ночью, но так и не смог погрузиться в глубокий сон. Бессонница преследовала его долгие годы, как и пагубная привычка к курению. А после того как ему диагностировали терминальную стадию рака печени, из-за постоянных, изнуряющих болей симптомы бессонницы лишь усилились, и со временем он перестал спать вовсе.

Поэтому, когда Цзюнь Яньфэн сбил его машиной, он был абсолютно спокоен. В сердце не было ни ненависти, ни гнева – только бесконечное облегчение.

Но он снова ожил. Он получил здоровое и крепкое тело, но проклятие бессонницы осталось с ним. За те несколько дней, что он переродился, он не выспался ни разу. Только под утро, от крайней степени истощения, ему удалось на мгновение забыться сном, как вдруг...

– Тук-тук-тук.

Тихий стук повторился. Словно случайно оборвавшаяся струна или искра, готовая разжечь огромный пожар, этот звук воспламенил с трудом подавляемую ярость Цзюнь Яньсина. Он резко вскочил, широкими шагами подошел к двери и с силой распахнул ее.

Тан Чжо дважды неуверенно постучал, не дождавшись ответа, и решил подождать еще немного. Он специально выждал больше часа, потому что вчера Цзюнь Яньсин вернулся примерно в это время, уже встал и даже заварил кофе...

Пока он размышлял об этом, дверь внезапно распахнулась. Тан Чжо обрадовался. Однако улыбка, только успевшая появиться на лице, мгновенно застыла, когда он встретился взглядом с мрачными, полными глухой злобы глазами Цзюнь Яньсина.

Цзюнь Яньсин холодно смотрел на него. Темные круги под глазами и пугающая краснота в белках придавали его облику такой устрашающий вид, что Тан Чжо охватил настоящий ужас. Он слегка открыл рот, но не смог издать ни звука.

– Господин Тан, мне нужно повторить дополнительные условия договора? – голос мужчины, казалось, был буквально выдавлен сквозь плотно сжатые зубы. – Соблюдайте тишину и не

мешайте мне. Если не можете этого сделать – расторгаем контракт!

С самого детства Тан Чжо никто и никогда не отчитывал в такой манере. Хотя Цзюнь Яньсин не использовал грубых слов, его выражение лица и ледяной тон показались юноше ужасающими. Он не понимал, почему «Господин Хороший человек», который при первой встрече был таким дружелюбным и приветливым, стал таким холодным после того, как снял его дом и они начали общаться ближе.

«Неужели он настолько неприятен?»

– Простите, я виноват... я просто...

Слезы мгновенно хлынули из глаз. Тан Чжо отчаянно хотел объясниться, но не успел договорить, как дверь кабинета с оглушительным грохотом захлопнулась прямо перед его носом.

– Я хотел... взять камеру... – тихо договорил он, безнадежно глядя на закрытую дверь.

Постояв в оцепенении, Тан Чжо опустил голову и, словно совершенно обессиленный, поплелся в гостиную, где без сил рухнул на диван.

«Тик-так, тик-так».

Секундная стрелка часов неумолимо двигалась, издавая отчетливый, раздражающий звук. Тан Чжо притянул к себе подушку, крепко обнял ее и свернулся калачиком на мягком диване, чувствуя, как ноет все тело.

«Хочу домой...»

Он крепко зажмурился, в уголках глаз заблестели крупные слезинки. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем дыхание выровнялось, а хватка, с которой он сжимал подушку, наконец ослабла.

Когда Тан Чжо снова открыл глаза, солнце за окном уже село. Ночь плотно окутала землю, в доме было темно, и лишь слабый, призрачный свет ночника пробивался сквозь мрак. Он лежал на диване, глядя в полумраке на незнакомый, но уже ставший привычным потолок, и невольно замер.

«Все еще не дома...»

Тан Чжо шмыгнул носом, оперся рукой о диван, собираясь встать и приготовить еду, как вдруг – глухой удар. Поскольку свет не горел, а нога в гипсе сильно мешала, Тан Чжо просто скатился с дивана. Затем, пытаясь подняться, он снова ударился – на этот раз болезненно приложился лбом о журнальный столик.

Тан Чжо распластался на полу. Обхватив руками ушибленную голову и чувствуя тупую боль во всем теле, он наконец не выдержал и горько разрыдался.

У-у, он так сильно скучает по папе и маме...

Если бы он был дома, папа первым же делом прибежал бы к нему, осмотрел все раны, крепко обнял и поцеловал. Если бы дома была мама, она бы в полной панике повезла его в больницу. Каждый раз, когда он получал хоть малейшую царапину, его мама-альфа пугалась так, будто небо рухнет на землю.

А еще брат... Брат первым делом принес бы аптечку, нежно обработал раны и вместе с папой успокаивал бы его, называя самым милым и храбрым омегой в мире.

Но теперь он остался совсем один. Он чувствует себя бесконечно одиноким... Он больше не хочет соблюдать тишину, он хочет, чтобы дома было шумно и весело, хочет, чтобы кто-то был рядом, хочет делиться самыми мелкими, но радостными событиями...

«Неужели это простое желание – такая большая жадность?»

Тан Чжо с трудом сел. Он немного успокоился, но стоило ему вспомнить мрачное и свирепое лицо Цзюнь Яньсина, как слезы снова покатились градом.

У-у-у, почему он был таким злым... Неужели он настолько противный? Ладно, соседи и собака его не любят, но... Цзюнь Яньсин ведь новый знакомый. К тому же при первой встрече он был таким дружелюбным...

Тан Чжо обнял себя за плечи, уткнулся лицом в колени и горько, навзрыд заплакал.

– С тобой... все в порядке?

Внезапно совсем рядом раздался голос. Тан Чжо, полностью погруженный в пучину самобичевания, вздрогнул и резко поднял голову. Ослепительный свет ударил в глаза, и перед ним возник силуэт мужчины. Свет в гостиной горел, а Цзюнь Яньсин сидел на корточках прямо перед ним.

Утром, закрывшись от всех, Цзюнь Яньсин вернулся в постель и пролежал до самого вечера. Видимо, из-за нескольких бессонных ночей, а также из-за того, что вчера ночью он простудился на холодном ветру, состояние его было далеко не лучшим.

Хотя от крайней усталости он все же провалился в сон, ему снились кошмары, качество сна было ужасным, и после пробуждения у него сильно разболелась голова. Он вышел, чтобы налить воды, и не успел даже дойти до коридора, как услышал приглушенный плач. Тихий, нежный, сдавленный плач.

В тот момент он мгновенно забыл о собственной боли, машинально включил свет и пошел на звук. Он увидел Тан Чжо, который сидел на полу, весь дрожа от рыданий. Юноша уткнулся головой в колени, его тонкая, изящная шея была слегка изогнута, а мягкий воротник сполз вниз, обнажая белоснежную кожу спины. От сильных рыданий кожа постепенно покрылась розовым румянцем, который местами скрывался под одеждой.

Цзюнь Яньсин невольно замер, а затем поднял руку и с силой потер лицо. Придя в себя, он подошел к Тан Чжо.

Тан Чжо, чьи глаза были полны слез, ошарашенно смотрел на внезапно появившегося Цзюнь Яньсина. В темных глазах все еще виднелись красные капилляры, но в них больше не было ни злости, ни раздражения – лишь легкая усталость и неприкрытая, искренняя забота.

Тан Чжо почувствовал, что губы предательски дрожат, а и без того печальное сердце переполняет обида. Он мог лишь крепко закусить нижнюю губу; влажные глаза вызывали невольное, острое сочувствие.

Цзюнь Яньсин смотрел на него и наконец не выдержал, подняв руку. Но прежде чем пальцы коснулись влажных уголков глаз Тан Чжо, одна крупная слезинка скатилась по щеке.

- Кап.

Слеза упала на тыльную сторону ладони Цзюнь Яньсина, обжигая своей теплотой, и он невольно отдернул руку. Цзюнь Яньсин слегка застыл, глядя на Тан Чжо, и снова тихо спросил:

- Ты в порядке?

Тан Чжо всхлипнул, накатившая волна тоски и обиды окончательно лишила его самообладания.

- Нет, - прошептал он.

Из-за плача в голосе слышался сильный носовой оттенок, глаза и кончик носа покраснели, а волосы были в полном беспорядке. Однако, несмотря на то что он выглядел таким жалким, Цзюнь Яньсин подумал... что это даже мило.

Из-за этой совершенно неуместной мысли Цзюнь Яньсин едва заметно нахмурился и отвел взгляд, остановив его на опухшем лбу Тан Чжо.

- Ударился? Нужно в клинику? - спросил он.

Тан Чжо, продолжая всхлипывать, медленно покачал головой. Головокружения не было, боль немного утихла, и серьезной необходимости обращаться к врачу он не видел.

- Тогда... что я могу сделать? - Цзюнь Яньсин снова встретился с ним взглядом.

Тан Чжо сквозь пелену слез не видел выражения лица Цзюнь Яньсина, а мысли были в полном хаосе от сильного плача. Поэтому, поддавшись чувствам и непреодолимой жажде тепла, он тихо произнес:

- Ты... ты можешь меня обнять?

Цзюнь Яньсин: - ...

- Об... обнять тебя? - он смотрел на Тан Чжо, и голос его звучал крайне неуверенно.

Тан Чжо смотрел на него в ответ, как брошенный на улице маленький щенок, который отчаянно хочет пойти домой за случайным прохожим, и мягко спросил:

- Можно?

<http://bllate.org/book/18547/1789278>